

Из последнего военного призыва

Этого невысокого, плотного, приветливого человека знают многие жители нашего района. Он родился в улусе Хонхолой семь с половиной лет жизни отдал армии, а с 1951 года живет и работает в Бичуре. Бывший командир отделения связи – старший сержант Ирдынеев после демобилизации был принят в секретный отдел (спецсвязь) районного узла связи.

Проработал здесь 25 лет, затем был переведен уполномоченным Вторчермета по Бичурскому району. Подошла пенсия, но еще два года после достижения пенсионного возраста он продолжал трудиться.

Несмотря на свои солидные годы, герой этого повествования Будажап Цыдыпович (которого Бичура многие годы зовет дядя Вася Ирдынеев), несмотря на свалившиеся на него печали последних лет, достаточно бодр, общителен, ведет свое хозяйство, сам колет дрова и находит время для общественной работы. В районном Совете ветеранов многие годы он не гость и не посетитель, а добровольный и бескорыстный помощник председателя Совета.

Б.Ц. Ирдынеев принадлежит к поколению, которое попало в последний военный призыв. Было это в ноябре 1944 года. Новобранцам семнадцать, а многим шестнадцать с половиной лет. Кровавопролитная война приближалась к победоносному завершению, и на запад они не попали. Им досталась служба в ЗабВО и война с Японией. Увы, долгие и долгие годы этих людей не признавали участниками Великой Отечественной войны. Они не досаждали военкомату и глубоко в душе прятали свою боль. Что скрывать, находились старослужащие (так они называют воевавших на Западных фронтах), которые весьма снисходительно и даже пренебрежительно относились к ним. Обходили почестями и наградами, звездочками на воротах и достопамятными пайками. Лишь в 80-х годах, когда впереди уже маячила пенсия по возрасту, вспомнили и о них. Многие и многие были уже “унесенные ветром”. А для здравствующих начались новые мытарства: поиски документов, справок, подтверждающих участие в боевых действиях.

Стыдно сказать, и сегодня есть в нашем районе непризнанные фронтовики. Свидетельства однополчан, с которыми ели кашу из одного котелка и спали на одних нарах в казармах, не возымеют никакого действия. Бюрократическую броню ничем нельзя пробить, да и, честно сказать, они уже перестали вести долгую войну за свое место в едином боевом строю.

Позволю себе еще одно частное отступление.

Моему отцу Дмитрию Андрияновичу Овдину, рождения 1909 года. Также достался Восток, и когда он демобилизовался (я к тому времени пошла в первый класс), мы заново знакомимся после шестилетней разлуки. В начале 80-х годов на имя отца хлынул поток писем из районов Бурятии, из Иркутска и Читы от бывших однополчан с просьбой подтвердить совместную службу в частях действующей Армии. Нашего папы уже не было

в живых, а письма и открытки до сих пор лежат в семейном архиве Будажапу Цыдыповичу повезло больше. Документы сохранились, и в 1981 году он получил удостоверение участника войны.

... Мы сидим в доме Ирдынеевых и ведем неспешную беседу. Говорит ветеран, а я лишь уточняю и записываю на диктофон негромкий рассказ о таких далеких теперь довоенных и военных годах. «О том, как бедствовали в тылу, помнят не только мои родственники, но и те, кто на 10 лет моложе.

Школу побросали, пошли работать в колхоз. Накануне призыва нас, шестнадцатилетних, собрали в Малый Куналей на военные сборы. 26 ноября 1944 года на лошадях (колхоз дал пару) повезли в Кяхту. В тот день из Хонхолоя призвали еще двоих.

Вез нас Балданов Санжи. Дорога дальняя. Остановились на ночлег в Малом Куналее у родителей Алексея Павловича Лобанова. Мы к ним заезжали еще когда обозом возили хлеб в Харлун. В Бичуре у военкомата по Калининской улице столпотворение. Нас набралось 120 человек. Русские плачут, поют, гармошки играют. Буряты провожают молча.

До Кяхты новобранцев сопровождал работник воёнкмата Роман Дмитриевич Митропольский, энергичный, живой, с хорошо поставленным командирским голосом. В Окино-Ключах застала ночь Мы постучались в первый попавшийся дом, нам открыли, обогрели, пустили ночевать. Наконец Кяхта, Красные Казармы. Здесь была 26-я снайперская школа.

Семь месяцев специальной учебы. Харчи, одежду отобрали – с Митропольским отправили обратно. Нас обстригли, в баню и по взводам, ротам Выдали ватные брюки (мы в них и День Победы встречали, кто пошустрее – вату повыдергивали). Сапог в помине не было. Валенки, ботинки и обмотки (1,5 м. длины, 10 см. ширины). Подъем - построение скомандуют, иной бежит, распустит обмотки.

Спали на железных кроватях, выдали постельное белье Нам в диковинку: дома на потниках да шубах спали. Наделали мы звездочек из консервных банок для фуражек и начались курсантские будни. Мой лейтенант Ткаченко. Усы как у Буденного, бурки, что ты! Дисциплина отличная, но погоняли же нас! Очень большая была физическая нагрузка. Стрельбище далеко - на Пыхти-горе. Туда бегом. оттуда бегом А тут еще команда: надеть противогазы. Часто проводились ночные тактические учения, нас тренировали в условиях, приближенных к военным. По-научим, кто не хочет – заставим. Некоторые подтягиваться не могли. Все спать - их к турнику. Только что не привязывали. В столовую идешь - через снаряд (коня) перепрыгнуть надо. Не перепрыгнул - без обеда останешься.

Я с физподготовкой проблем не знал, на турнике “солнышко” крутил, на лыжах 1-е место в роте занял. Дома на самодельных деревянных лыжах все горы излазил.

Даже песню сочинил, по-русски это звучит так: “В последний раз катаюсь на деревянных лыжах с этой горы Монгол Баавэн Орейхо”.

Были у меня дома и “снегурки”. Речка замерзнет, мы на коньки. В армии все пригодилось. Самое большое внимание уделяли, конечно, снайперской подготовке.

Кормили нас хорошо, по 9-й курсантской норме. Да не просто хорошо, а отлично. Сроду мы не видали такой еды: макароны, гуляш, компот, кисель. Сахар-то путем не ели до войны. А каши! Рисовая с маслом - по праздникам.

В общем, сделали из нас солдат. В мае Берлин пал, а в июне был выпуск.

Зашевелился японец – нас мимо Улан-Удэ на восток. Я попал в 36-ю армию, в 571 отдельный батальон связи Связистов готовили в Чите (здесь учились будущий полковник Юрий Минаевич Иванов, майор Николай Григорьевич Смолин).

В 1950 году меня направили в Китай. Служил в районе города Мукден. Американцы воевали с Кореей, надо, видимо, было быть и нам начеку. В пятьдесят третьем Советский Союз вступил в эту войну.

Так получилось, что в Китай мы добирались, на полуторке вчетвером: два офицера, шофер Юнусов и я - старший приемщик почты. Мы обслуживали воинскую часть Корреспонденция: письма, бандероли и прочая служебная почта - поступала из Советского Союза. Работа на сортировке была ответственной. Все было совершенно секретно. И легкой работы в армии не бывает. Там посчастливилось мне видеть известных людей, например, трижды Героя Советского Союза Кожедуба. Среднего роста, крепкий, без формы, в черной военной кожанке.

Это был человек-легенда. Как я понимаю теперь, он был там командующим. Но только это не афишировалось.

Кстати, о форме одежды, В части мы ходили в военном обмундировании, а за ее пределами только в гражданском. Тогда и сшили для меня два гражданских костюма. Никто со стороны не должен был знать, чем я занимаюсь: был засекречен. Меня считали военным советником, ходил, как уже сказано, в гражданском костюме и при шляпе. На железнодорожный вокзал за почтой ездил на машине с постоянным шофером и охраной. Шаг в сторону, кроме указанных мест назначения, был запрещен. Предполагаю, что и за мной мог быть контроль. Когда начались корейские события, меня из Мукдена перевели в Пекин. Первое ошеломляющее впечатление - это многолюдство. Город, как растревоженный муравейник. Народ приветливый. Но дико показалось, когда увидел рикшу: босиком, едва одетый, бегом везет тележку не то с начальником, не то с богатым китайцем.

Многое сейчас вспоминается: и Антипиха в Читинской области, где пропадали в землянках от собачьего холода, да и кормежка была плохая. Был курсантом офицерского состава. Предлагали на сверхсрочную остаться, обещали хорошо платить, но я не остался.

Тянуло домой. Служил усердно, был дисциплинированный и за это получил отпуск на родину.

Демобилизовался 28 июня 1951 года. Принял меня на работу в связь Разницын Прокопий Трифонович. О, это был исключительный человек,

умный, скромный, тактичный. Он людей уважал независимо от должности и имел подход к ним. Андрей Калистратович Белых первым делом требовал порядка в работе. Моя работа фельдъегеря была ответственная - прием секретной документации и доставка ее на спецмашине в Мухоршибирь, где происходил обмен на почту, доставленную из Улан-Удэ. Все под расписку, печать и личный штамп.

Секретная документация поступала в район из милиции, военкомата, прокуратуры и районного комитета партии. В конце 70-х годов отменили спецсвязь и сократили должность, после чего я стал работать во Вторчермете. В моей трудовой книжке всего две записи о перемещениях по службе. Поощрений и благодарностей много».

Я благодарю Будажапа Цыдыповича за рассказ и в который раз вспоминаю слова поэта: «Людей неинтересных в жизни нет». И сожалею, что в суете сует проходим мы мимо друг друга, а когда спохватимся поговорить по душам, часто бывает уже поздно.

Здоровья Вам, Будажап Цыдыпович, и благополучия Вашей большой семье.

Н. Коробенкова.